

Елена Л. Березович
(Екатеринбург)

ОБРАЗ ПРОСТРАНСТВА В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ: МЕТОДИКА ОПИСАНИЯ И НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Autorka proponuje schemat opisu i analizy leksyki związanej z polem semantycznym 'przestrzeń'. Punktem wyjścia jest założenie, że badania etnolingwistyczne powinny być skierowane na opis podmiotowego wyobrażenia przestrzeni, czyli subiektywny czynnik recepcji przestrzeni. W trakcie analizy faktów językowych badacz ma do czynienia z jednostkami poziomu wyjściowego (powierzchniowego), czyli poziomu bezpośredniej manifestacji językowej wyobrażeń przestrzennych, z którego możliwe jest przejście na poziom parametrów bazowych kształtujących model przestrzeni. Wymaga to uogólnienia podstawowych charakterystyk semantycznych jednostek poziomu wyjściowego. Koniecznym warunkiem analizy na tym etapie jest reprezentatywność bazy materiałowej. Poziom ten można uważać za pozajęzykowy, jednak przejście do niego prowadzi przez etap pośredni — najbardziej interesujący dla badań w sferze lingwistyki antropologicznej, łączący czynniki językowe i pozajęzykowe i dotyczący charakteru wypełnienia sieci parametrów.

Zaproponowaną analizę autorka przeprowadza na materiale leksyki gwarowej i onomastyki rosyjskiej Północy oraz przedstawia rezultaty analizy pola semantycznego 'przestrzeń' w rosyjskiej toponimii ludowej.

Как известно, объективное («чистое») пространство обладает такими свойствами, как ненаправленность, непрерывность, бесконечность, гомогенность. Однако занимаясь этнолингвистическими исследованиями, мы имеем дело, разумеется, не с объективным пространством, поскольку изучаем не вещь в себе, а ее образ в восприятии человека, способном разрушить нейтральную объективность, придавая образу пространства направленность, прерывность, конечность и неоднородность.

Этнолингвистическое исследование должно быть нацелено на описание субъективированного представления о пространстве, отраженного в зеркале народной языковой традиции. Таким образом, при работе с материалом следует обращать внимание на то, в чем выражается субъективный фактор при восприятии пространства.

При анализе языковых фактов в качестве непосредственной данности нам представлены единицы исходного (поверхностного) уровня — уровня непосредственной языковой манифестации пространственных представлений. Этот уровень включает как сами языковые единицы, так и их первичное обобщение посредством мотивационных моделей. Данный уровень можно считать объективно-языковым.

От уровня языковой манифестации возможен переход к уровню базовых параметров, формирующих модель пространства. Такой переход осуществляется как обобщение опорных семантических характеристик единиц исходного уровня. Непременное условие анализа в данном случае — репрезентативность, масштабность охвата материала. Этот уровень можно считать внеязыковым. Он тоже достаточно объективен, однако здесь другая объективность: речь идет об объективной, явной для носителя языка организации субъективного — модели пространства в его сознании. Иначе говоря, данный уровень основан на базовых, родовых компонентах семантики пространственной лексики, которые без труда могут быть выделены наивным носителем языка.

Однако переход к уровню базовых параметров мы осуществили как скачок через промежуточный (средний) уровень, который наиболее интересен для исследования в области антропологической лингвистики. Это уровень, соединяющий языковое и внеязыковое и описывающий характер заполнения сетки параметров. Здесь следует выделить: а) набор предпочтений субъекта при переходе от базовых параметров к конкретной языковой манифестации; б) равномерность реализации предпочтений, т.е. равномерность (симметрию) заполнения сетки параметров; в) «расстояние» между отдельными параметрами (степень близости их друг другу). Такое расстояние определяется как близкое в том случае, если параметры находят сходное языковое воплощение; оно увеличивается в том случае, если языковая манифестация различна. О сходном/различном языковом воплощении можно судить по семасиологическим и ономасиологическим показателям. Семасиологические показатели позволяют говорить о смысловой близости/удаленности отдельных составляющих поля, т.е. о возможности наложения (пересечения) соответствующих референтных областей (такое наложение может выражаться, к примеру, в том, что семы, репрезенти-

рующие каждое из микрополей в составе изучаемого концептуального поля, могут быть одновременно представленными в дефиниции одной языковой единицы). Ономастиологические показатели свидетельствуют о наличии/отсутствии общих или сходных номинативных моделей для картирования соответствующих смыслов, т.е. характеризуют не референтную область, а мотивационный фонд.

Вышесказанное можно проиллюстрировать на следующем примере¹.

Уровень конкретных фактов и моделей (поверхностный уровень):

а) факты: *видки* 'пространство, которое может охватить глаз' [СРНГ 4, с. 275], *окоём* 'пространство, которое можно окинуть взглядом; горизонт' [СРЯ II, с. 608], *глаз достаёт (хватает)* 'о той части пространства, которую способно воспринять зрение', *куда глаз не хватит* 'в любом направлении и на расстоянии, доступном обозрению', *насколько хватает глаз* 'на расстоянии, доступном для зрительного восприятия, насколько можно увидеть' [ФСРЛЯ 1, с. 136], *глазом не окинуть* 'о большом пространстве, которое трудно обозреть, воспринять зрением', *оком не окинуть* 'то же' [ФСРЛЯ 2, с. 55], *окрик* 'расстояние, на которое слышен человеческий голос' [Даль II, с. 667], поле *Зычное* — «стали поле измерять — оно такой длины, до какого места зык у одного мужика слышен был» и др.;

б) модели: «то, что видно глазом» → «пространственная протяженность»; «то, где слышится голос» → «пространственная протяженность».

Уровень базовых параметров (глубинный уровень): эти лексемы реализуют такой параметр, как протяженность.

Характер заполнения сетки параметров:

а) предпочтением в данном случае можно считать перцептивное освоение пространственной протяженности (естественно, этот способ восприятия протяженности не является единственным);

б) предпочтения реализуются неравномерно: явным лидером следует считать зрительное освоение, а не слуховое. Действительно, слуховое освоение пространства — исключительно редкое явление для русской языковой традиции². Другие виды перцепции при оценке протяженно-

¹ В качестве материала используются данные русской диалектной лексики и ономастики. Аппеллятивные факты извлечены из словарей русского литературного языка, а также из диалектных словарей, ономастические — из картотек Топонимической экспедиции Уральского государственного университета по территории Русского Севера (Архангельская и Вологодская область). Единство источника материала позволяет приводить ономастические факты без паспортизирующей справки.

² Не редкость оно, к примеру, в финно-угорских языках и традиционной культуре [подробнее см. Березович 2000, с. 181–182].

сти не задействуются;

в) степень близости другим полям. К примеру, поле «Протяженность» в русской языковой картине мира соотносится с полем «Удаленность». Допустим, слово *долгий*, выражающее идею протяженности, может также приобретать семантику удаленности (ср. *долгое место* 'удаленное место' [ЛК ТЭ]); образ курицы может задействоваться как при манифестации идеи близкого расположения объекта к дому (топонимы с определениями *куриный*, *куричий* и т.п. обычно являются названиями лужаек, небольших покосов и т.п.: болото *Курицкое* — «оно маленькое, у самой деревни»; *Куриный*, ручей — «близко от деревни ручеек, вот и назвали»; болото *Куричье* — «маленькая ямка заболоченная, в самой деревне. Здесь Куричье у нас, курицы бегали, что ли»; покос *Курицыно* — «около самой деревни, здесь даже курицы бегают»), так и при реализации признака «мелкий» (ср. выражения вроде *куриный брод* 'мелкое место в реке' [ЛК ТЭ], *курице по холку* 'мелко' [НОС 4, с. 182]). Кроме того, о близости полей «Удаленность» и «Протяженность, охват пространства» свидетельствует использование и в том, и в другом случае образа черта (или других представителей нечистой силы): *черт-те откуда* 'из очень отдаленного места' [ФСРЛЯ 2, с. 369], *у жихоря*³ 'об очень отдаленном месте' [СРНГ 9, с. 198]; *черти ни в кулачки не бьют* 'то же' [ФСРГС, с. 217]; *к семи лешим* 'очень далеко' [СПГ 1, с. 478], *на леший след* 'очень далеко, неизвестно куда' [СРГК 3, с. 121] // *черт не схватит* 'о чем-нибудь, простирающемся на большое расстояние, занимающем большую площадь' [Ивашко 1981, с. 51]; *чертовы бега* 'широкий простор', *чертовы версты* 'большое расстояние' [ЛК ТЭ] и т.п.

Итак, при описании традиционной модели пространства — равно как и при других концептуальных исследованиях, базирующихся на изучении языковой семантики, — наиболее важен и труден переход на средний уровень (ср. средний уровень в теории прототипов), уровень, который выводит на интерпретацию, когнитивное объяснение языковых фактов, поскольку здесь дается стоп-кадр рельефа языкового картирования действительности. Этот рельеф проясняет как интенции человека — создателя языковых фактов, так и возможности языка их отразить, подчиняя при этом своей логике. Четкое структурирование среднего уровня должно помочь упорядочить обширное и аморфное интерпретационное поле, объясняющее связь языковых единиц и установок человека.

³ Ср.: жихарь, жихорь 'злой дух — черт, леший и т.п.' [ЛК ТЭ].

Говоря о методике работы с материалом, отметим, что плодотворный анализ среднего уровня и когнитивной интерпретации материала во многом зависит, конечно, от полноты описания глубинного, базового уровня. В зависимости от специфики языкового материала исследователи выделяют разные наборы базовых единиц. Ср., к примеру, набор базовых единиц, используемый английским исследователем Г. Личем: 'место', 'протяженность', 'близость', 'вертикальность/горизонтальность', 'север/юг', 'запад/восток', 'ориентация', 'движение', 'виды передвижения', 'поза (положение человека в пространстве)' [Leech G. *Towards a Semantic Description of English*. London, 1971. — Цит. по: Яковлева 1994, с. 19]. Думается, что набор базовых единиц — т.е., по сути, структура описания — должна соответствовать двум основным требованиям: 1) релевантность избранному языковому материалу (понятно, что если мы работаем, предположим, с народной топонимией, трудно ожидать полноты описания параметра 'виды передвижения'); 2) соответствие задаче выявления субъективного фактора при конструировании образа пространства (например, параметр 'форма, конфигурация объекта', квалифицируемый в некоторых исследованиях как пространственный, обладает невысокой информативностью в плане характеристики установок субъекта). В соответствии с этими соображениями можно вводить некоторые ограничения при определении объема изучаемого материала.

Охарактеризовав кратко основные установки при работе с языковыми данными, в ходе дальнейшего изложения представим результаты анализа поля «Пространство» в русской народной топонимии (этот анализ производился преимущественно на материале топонимии Русского Севера; репрезентативность севернорусских данных подтверждается тем, что выборочные сопоставления с топонимиконами других территорий обнаруживают единство закономерностей организации различных русских топонимических систем).

Изучение топонимического материала показало, что наиболее полно представлены в топонимии следующие пространственные параметры: 1) локализация объекта; 2) охват местности; 3) протяженность; 4) обжитость пространства.

Первый из них, по сути, позволяет определить точку зрения субъекта номинации по отношению к пространственным объектам (локализация всегда осуществляется при наличии некоей системы координат); второй и третий — охарактеризовать поле зрения номинатора; четвертый — дать качественную характеристику освоенного и не освоенного человеком пространства.

Ниже дается в общем виде сетка параметров, которая организует систему пространственных представлений, эксплицируемых по данным русской топонимии.

локализация в пространстве

По представленности субъекта наблюдения и точки отсчета:

I. Точка отсчета — наблюдатель.

1. По проявленности /имплицированности субъекта наблюдения:

А. Позиция наблюдателя эксплицирована (ориентация «от себя»).

По уровню организации системы ориентации:

а) «наивная» (субъективированная) ориентация:

дистанция: далеко — близко; начало — конец;

координаты тела в пространстве: справа — слева; спереди — сзади; сверху — внизу;

б) объективированная ориентация: стороны света;

Б. Позиция наблюдателя имплицирована (ориентация «от объекта»).

2. По направленности ориентации:

а) центростремительная;

б) центробежная.

3. По координирующему механизму:

а) объектокоординирующая;

б) автокоординирующая.

II. Точка отсчета вынесена вовне:

верхний — нижний;

правый — левый; при привязке

голова — хвост. к гидрообъектам

III. Точка отсчета нерелевантна для наблюдения:

вблизи, рядом с чем-либо; по какой-либо линии (длине, ширине, окружности чего-либо); в пределах чего-либо, между чем-либо; вместе — отдельно.

охват местности

1. По объему охвата местности: векторный; панорамный.

2. По характеру сцепления элементов пространственной картины мира: дробное — целостное; расчлененное — комбинаторное представление пространственных объектов.

3. По задействованности пространственной горизонтали / вертикали: вертикальное; плоскостное видение местности.

протяженность:

длинный — короткий;

меры длины.

обжитость пространства человеком:

обжитое — необжитое;

доступное — труднодоступное пространство.

Данная сетка дает структуру топонимической картины пространства. Охарактеризуем ее содержание.

I. Наивный фундамент и хозяйственная обусловленность пространственных представлений. «Наивность» представлений о пространстве проявляется разными способами.

При определении местоположения географической реалии в пространстве задействуются параметры автоориентации, тесно связанной с пространственным положением человеческого тела. Это, во-первых, дистанционный параметр *далеко* — *близко* (и связанный с ним *начало* — *конец*), во-вторых, заданные трехмерностью пространства параметры *вверху* — *внизу*, *справа* — *слева*, *спереди* — *сзади*. Ярчайшим проявлением развитости системы автоориентации может служить использование в качестве пространственных маркеров слов с самой высокой степенью дейктивности — указательных и притяжательных местоимений (*тот*, *здешний*, *наш*, *свой* и др.), ср. топонимы такого типа: лес *Наш Бор*, луг *Наш Луг*, озеро *Наше Гагарье*, болото *Своё*, покос *Своё Пустое*, лес *Здешний Мох*, поле *Та Полянка* и т.п.

Вследствие существования наивного субстрата пространственных представлений, привязанных к положению тела в пространстве, параметры автоориентации работают преимущественно в микротопонимии. При макротопонимическом картировании местности происходит дисбаланс связей между фигурой наблюдателя и географическими объектами.

Наивность системы ориентации в пространстве проявляется также в том, что абстрагированная система ориентации по сторонам света базируется на наивном субстрате: наиболее значимым становится северное направление (среди топонимов, образованных от обозначений сторон света, с подавляющим отрывом лидируют *северные* топонимы), отмеченность которого мотивируется метеорологическими — и, в конечном счете, хозяйственными факторами. Они же обуславливают появление в топонимической системе ориентации маркеров, связанных с напра-

влением ветра (ср.: покос *Глубничный* — «оттуда глубник»⁴, болото *Сиверичное* — «с той стороны ветер дует, сиверик»⁵, река *Шелоничная* — «с шелоничной стороны течет»⁶).

Наивно-антропоцентрическая обусловленность восприятия пространства определяет появление непространственных способов выражения пространственных отношений. Данный процесс предполагает возникновение коннотаций локального плана у лексем, исходная семантика которых не включает пространственных компонентов (*баба, кошка, курица, петух, собака, медведь*). Эти лексемы фиксируют перетекание функционально-ролевой специализации в локативную.

Немаловажно отметить также задействие наивной метрологии: а) измерение пространства через скорость его преодоления (*Скоропостижные, Скородум*); б) измерение расстояния голосом (ср. редкие факты вроде поле *Зычное*, залив *Подзаголос*); в) измерение глубины наивно-«анатомическим» способом (река *Безоштянка*, болото *Оголигузки*).

Специфика отбора задействуемых топонимией параметров ориентации указывает на то, что определенную роль при формировании этих параметров играют сами условия осуществления человеком пространственной ориентации, в частности, условия определения сторон света по положению солнца, наблюдения за которым осуществляются в светлое время суток: этим объясняется преобладание *полдневных* топонимов над *ночными* — тем более симптоматичное, что в синонимичных этой паре биномах *летний* — *зимний* и *южный* — *северный* лидируют *зимние* и *северные* названия; показательно также приобретение локативной семантики словами, обозначающими приемы пищи, которые производятся в летнее время на поле или на покосе, например: ручей *Обедничный* (течет с юго-востока на северо-запад), оз. *Обеденное* (находится на северо-западе), покос *Паужный*⁷ (расположен на юго-западе).

В описываемом топонимиконе весьма активны названия, отражающие идею границы освоенного в хозяйственном плане пространства (*последние, рубежные, крайние* и т.п. топонимы).

II. Ограниченность пространственного горизонта. Дробность восприятия пространства.

⁴ *Глубник* 'северо-западный ветер' [ЛК ТЭ].

⁵ *Сиверик* 'северный ветер' [ЛК ТЭ].

⁶ *Шелоник* (*шалоник, шолоник*) — широко распространенное на Русском Севере, Урале, Сибири (т.е. на территориях новгородской колонизации) название различных по направлению ветров (преимущественно западного и северо-западного) [ЛК ТЭ].

⁷ Паужна 'прием пищи, который производился, как правило, в поле' [ЛК ТЭ].

Если считать, что топонимикон организован по принципу матрешки, включающей в себя несколько топонимических поясов с разным «масштабом» (степенью конкретности /абстрактности) изображения местности, то следует признать, что топонимия фиксирует выбор в качестве посредников при ориентации ориентиров «местного значения», входящих в первую-вторую зоны топонимической абстракции. Эта ситуация (аналог которой можно найти в логике конструирования системы ветрообозначений) свидетельствует о суженности пространственного горизонта носителей топонимической системы.

Расширение пространственного горизонта наблюдается в топонимии поморов, где могут быть задействованы, например, ориентирующие маркеры *русский* и *немецкий*, что говорит об умении привязать близкие к номинатору объекты к отдаленным ориентирам.

О суженности пространственного горизонта свидетельствует специфика номинации дорог. Несмотря на статус дороги как объекта-ориентира *se ipsum*, ориентирующие наименования не играют ведущей роли в системе обозначений дорог; в том случае, когда такие наименования все же задействуются, они отражают лишь узколокальные ориентиры (мельницу, лес, соседнюю деревню и др.).

Показательны также особенности выбора объектных «приоритетов» (т.е. источников переноса) при разворачивании метонимических связей. Если на раннем этапе формирования топонимической системы Русского Севера метонимические связи разворачивались преимущественно «от реки», то на поздних стадиях функционирования этой системы приоритетными стали точечные объекты — в первую очередь, населенные пункты.

В современном топонимиконе все более явно дает о себе знать тенденция к «монотопонимизации» — выделению в отдельной локальной топосистеме объекта, являющегося единственным представителем данного класса географических реалий; соответственно его наименование становится «родовым» (т.е. географический термин, положенный в основу топонима, не приобретает при топонимизации конкретизирующих определений). Так появляются названия типа озеро *Озеро*, болото *Болото*, река *Речка*, которые зачастую накладываются поверх утративших актуальность «видовых» названий. Иногда квазионимия такого рода становится основой формирования вновь возникающих в настоящее время топосистем⁸. Однако данная тенденция характерна не только для

⁸ Ср. названия основных топообъектов вокруг поселка *Северный* в Великоустюгском районе Вологодской области: озеро *Водоем*, поле *Поле*, болото *Болото*, покос *Пожня*.

современных топонимиконов, но и для начального этапа формирования топонимии (известно, что в архаичных топосистемах разных народов встречаются названия, образованные от географического термина без дифференцирующих определений), поэтому можно говорить о своеобразной «синусоиде», определяющей действие указанной тенденции. Монотопонимизация также работает на описываемую концептуальную особенность севернорусской топонимии (ограниченность пространственного горизонта).

В этом же русле следует трактовать тенденцию к номинативному дроблению линейных топообъектов (в первую очередь, рек), проявляющаяся в деактуализации названия всей реки, заменяемого наименованиями отдельных ее участков, связанных, как правило, с обозначением соответствующей деревни или церкви. Для субъекта номинации оказываются неактуальными попытки целостно представить линейный топообъект, восстановить целое по его части.

Еще один процесс, тесно связанный с двумя предыдущими, состоит в том, что одни и те же географические реалии (или их части) параллельно осваиваются различными локальными топонимическими системами, в результате чего фрагменты таких топосистем (функционирующих, к примеру, в речи жителей соседних населенных пунктов) оказываются несовместимыми друг с другом. Степень такой несовместимости может увеличиться в том случае, когда носители различных топосистем по-разному членят собственно денотативный континуум топонимии, что проявляется в несовпадении представлений о границах самих географических объектов (например, то, что для одних является трехэлементной цепочкой *река — озеро, куда она впадает — вытекающая из озера река*, может восприниматься другими как один целостный объект). Так создается мозаичность топонимического континуума, которая в определенной мере объясняется узостью пространственного горизонта носителей топонимической системы. По нашим наблюдениям, степень изоляции смежных локальных топонимических систем друг от друга со временем возрастает.

В современной топонимической системе весьма редкими являются случаи комбинации пространственных образов, за которыми стоит стремление увидеть в них части целого, детали картины, элементы ситуации (ср. раритетные факты такого типа: озера *Бабий Пуп* и *Брюшина*; покосы *Нога* и *Пятка*; леса *Морда* и *Язык*; поля *Голенище* и *Сапог* — «одно длинное, другое короткое, а пахутся вместе»; горы *Печка* и *Труба*; покосы *Камбала* и *Сковородка* — «Камбала да Сковородка рядышком, пожарить хочется»); преобладает расчлененная подача про-

странственных образов.

В рамках действия этой же тенденции (сужения пространственного горизонта) следует трактовать резкий перевес топонимических фактов, связанных с плоскостным видением местности, над фактами, отражающими высотное видение. Масштаб высоты, отражаемый в топонимических названиях, обычно невелик и как бы соразмерен самому наблюдателю; об этом свидетельствует хотя бы набор образов, используемый при номинации гор и горных хребтов (например, *Амбарчик, Баранчи Рожка, Бочонок, Веприк, Волдыри, Голова (Головка), Гребень, Жерновок, Зубцы, Каравай, Клык, Коврига, Колокольня, Конь, Крендель, Курья Гузка, Маковка, Опупок, Палец, Петушок, Пирожок, Попадъевы Груды, Сумка, Теленок, Шапка, Щеки, Щучий Хребет, Яйцо* и др.). На этом фоне выделяется несколько образных моделей-гипербол — *Арараты, Карпаты, Урал, Эверес*; большая степень гиперболизации заложена в необразных названиях типа гор *Поднебесье, Поднебесная*. Однако эти гиперболы редки, и чаще всего наблюдатель воспринимает высотные объекты в одном масштабе с собой и своим ближайшим окружением. Попытки взглянуть на окружающее пространство сверху, с высоты в русской топонимии практически не фиксируются. Эти попытки могли бы иметь языковое выражение, например, в виде образных наименований протяженных объектов, однако такие факты для изучаемого топонимикона нетипичны⁹.

III. Жесткая заданность центра освоения пространства. Закрепленность позиции номинатора.

В проекции на реальное географическое пространство топонимический континуум имеет различную плотность на разных своих участках: наибольшая плотность наблюдается в зоне номинативного центра, которым обычно является населенный пункт, наименьшая — на периферии, по мере удаления от населенного пункта.

Центр номинативного освоения пространства выделяется в топонимическом континууме не только количественно, но и качественно: в центре преобладают панорамные номинации, соответствующие такому типу освоения пространства, как карта-обозрение (панорамность проявляется в активном использовании разного рода связей топонимов друг с другом — метонимических, словообразовательных, семан-

⁹ В этом плане русская топонимия противопоставлена, например, хантыйской: распространенность в последней «высотных» номинаций объясняется не только хорошей пространственной ориентацией охотничьего народа, но и привычкой воспринимать окружающее пространство сверху, выработке которой способствовал рельеф территории, на которой проживают ханты.

тических, предложно-падежных конструкций, беспредложных ориентированных наименований). Периферия характеризуется уменьшением количества панорамных номинаций и ростом числа векторных названий, реализующих такой тип освоения пространства, как карта-путь.

О жесткой заданности номинативного центра, совпадающего с типовой позицией наблюдателя, говорит наличие дейктических номинаций, которые обретают дистинктивные возможности только благодаря закреплённости, статичности позиции номинатора. Дейктические номинации позволяют вычислить «адрес» номинативного центра (на него недвусмысленно указывают названия типа *Ближнее, Наши, Зады* и т.п.).

Позиция наблюдателя в подавляющем большинстве случаев закреплена в населенном пункте, вследствие чего можно говорить о «домоцентрическом» механизме освоения пространства как фундаментальном принципе пространственного мышления крестьян Русского Севера. Несколько иные результаты, по всей видимости, может принести анализ пространственной ориентации по данным субстратной топонимии. Ср. также выводы О.В. Мищенко, проанализировавшей семантику севернорусских исконных и заимствованных географических терминов, обозначающих лесные локусы: «У заимствований выявилась прагматическая семантика, связанная с маршрутным восприятием пространства, для которой характерны такие компоненты, как 'движение' и 'дальняя ориентация'. В семантике исконных лексем, наоборот, обнаружилось указание на ориентацию по освоенному пространству и ограничение пространства социальными рамками» [Мищенко 2000: 15]. В редких случаях позиция наблюдателя переносится в другие точки: так, система обозначений рыболовных тоней свидетельствует о том, что ряд объектов был номинирован «с воды»; крайне редко номинативным центром становится лес. Оговоримся: сказанное не означает, что при номинации географических реалий наблюдатель обязан «физически» находиться в четко определенной точке пространства — к примеру, в деревне (многие объекты попросту будут находиться вне поля его зрения). Дело не в конкретном физическом положении номинатора, а в том, как проявляется его позиция в результатах номинативной деятельности (например, при номинации далеких лесных ручьев, не попадающих в поле зрения наблюдателя, «физически» находящегося в населенном пункте, могут быть задействованы ориентационные маркеры *правый — левый*, специфика использования которых свидетельствует о номинативном освоении объекта по век-

тору, заданному из населенного пункта, от дома, жилища номинатора¹⁰).

Освоение пространства, как правило, предполагает центробежное разворачивание пространственных связей, за которым стоит расширение зоны освоенных объектов по вектору, заданному из центра. Значительно реже в топонимии проявляется центростремительная направленность ориентации, отражающая стремление более подробно картировать уже освоенный участок территории, возвращаясь от известного объекта назад по вектору, направленному к номинативному центру.

Закрепленность позиции номинатора способствует созданию объектокоординирующих названий, во внутренней форме которых содержится указание на локализацию объекта в пространстве. Весьма редко в топонимической системе появляются автокоординирующие номинации, способствующие выявлению местонахождения самого номинатора относительно известного ориентира. К примеру, отмечены названия лесных дорог и урочищ, за которыми просматривается пропозитивное стремление субъекта выявить свое местоположение относительно известного ориентира. При пребывании в лесу такими ориентирами становятся высотные объекты, видимые на большом расстоянии (церковь, колокольня, высокое дерево и т.п.), ср.: просека *Колокольный Просек* — «на него выходишь — видна была церковь наша», тропа *Никольский Просек* — «церковь была вроде маяка, из леса шли — ее видели, знали, что на нее выйдем. Из озера в бурю ее видно было, в колокола звонили, чтоб корабли не тонули», болото *Церковная Просека* — «с нее видно церковь», урочище *Бабушкина Вывожельница* — «там сосна растет с кривым сучкам, бабушка из леса выходила по этой сосне: увидит ее и знает, куда идти», поляна *Дунькина Берёза* — «как по лесу идешь, выйдешь на эту полянку, уже видна дунькина берёзка, она в деревне, у дунькина дома растет. Вот и назвали эту поляну Дунькина Береза. Как выйдем на Дунькину Березу — скоро уже деревня». Эти номинации определяют весьма своеобразным механизмом: обычно названия типа *Дунькина Берёза* маркируют объект, находящийся в непосредственной близости от ориентира. В данном случае объект (поляна) удален от ориентира (березы), но помогает выявить неизвестное местоположение последнего и сам становится ориентиром для наблюдателя, который получает

¹⁰ Можно с уверенностью говорить, что первична для народной топонимии такая ситуация использования определений *правый* и *левый*, которая не предполагает наличия объективированного и закрепленного способа отсчета (например, сверху вниз по течению реки или наоборот); он определялся направлением движения к объекту из дома.

возможность локализовать себя в лесу. Эта ситуация очень редка для русской топонимии, поскольку связана с перенесением позиции наблюдателя с ее обычного «места дислокации» — деревни — в зону самого объекта, «адрес» которого должен быть установлен посредством апелляции к далекому ориентиру и отражен в топонимии. Необычное положение точки отсчета обуславливает маргинальность автокоординирующих топонимов в русской топонимической системе.

IV. Относительная пассивность идеи передвижения при формировании пространственных представлений. Закрепленность позиции номинатора сочетается с реализацией идеи передвижения при формировании пространственных представлений.

Идея передвижения реализуется с помощью *куда (откуда)*-топонимов (ср. конструкции с предлогами *в, до, за, из, из-под, к, на, от, под, с, через*), названий, в семантике которых содержится указание на определенный участок пути (*Половинница*), топонимов, служащих своеобразными путевыми вехами (*Путевой*), а также наименований, отражающих попытку измерения пространства через скорость его преодоления.

Потребность свободы передвижения определяет установку на задействие не более одной ориентационной оси при формировании системы координационных параметров. Совмещение двух осей, наблюдаемое при использовании параметра *правый — левый* (не в гидрографической, а в наивной народной системе ориентации) лишает наблюдателя свободы перемещения, чем обусловлена низкая активность данного параметра в топонимии.

В целом следует отметить сравнительно невысокое количество названий, задействующих идею передвижения и, соответственно, относительную пассивность данной идеи при формировании пространственных представлений.

V. Линейность освоения пространства. Река как организатор пространственных связей. Пространство осваивается не фронтально, а линейно (радиально) — по линиям, отражающим вектор заселения или хозяйственной деятельности.

В топонимии Русского Севера представлены многочисленные наименования типа *Дальний, Конец, Угол, Крайний* и т.п. без определяемого или определяющего слова. Ориентирующая «достаточность» таких названий обеспечивается только в том случае, когда задана линия, вдоль которой располагаются топообъекты, линия, которая становится организатором пространственных связей.

В изучаемом топонимиконе видное место занимают названия, держащие привязку объектов к реке (ср. топонимы, образованные от

апеллятивов *верхний* — *нижний*, *правый* — *левый*, *голова* — *хвост*). Река является не столько центром освоения пространства (привязки к реке зачастую относительны: к примеру, *верхний* 'находящийся выше населенного пункта по течению реки'), сколько организатором пространственных связей, так как с рекой связана объективированная система ориентации, заданная естественной сориентированностью самого объекта. Особая значимость рек как организаторов пространственных связей на Русском Севере мотивируется тем, что данная территория является речной, изобилуя малыми, средними и крупными реками.

В редких случаях роль организатора пространственных связей берет на себя дорога. Показательна, например, ситуация с *головами* и *хвостами*, которые могут быть сориентированы по направлению дороги: поля *Изголовь* и *Хвост* — «Изголовь в головах у деревни, Хвост с конца, в хвосте», поле *Поголовное* — «у деревни в головах» и т.п. (*головой* считается та часть деревни, которая является первой по дороге со стороны более крупного населенного пункта; вектор пространственных отношений направляется из более крупного (социально значимого) населенного пункта).

Линейность проявляется и в существовании оппозиции *внутри* — *в стороне*. *Сторонние* объекты находятся в стороне от освоенной магистрали, внутренние — в пределах освоенного пространства. Ср., например, названия озер *Нутренник* и *Стороннее* — «Стороннее в стороне от наших угодий, а Нутренник по пути, по той дороге, по которой ходим». Носитель топонимической системы четко выделяет в структуре географического пространства «свою» территорию, причем критерием такого выделения становится хозяйственная освоенность участка географического пространства.

VI. Качественная неоднородность пространства.

В топонимии отражено противопоставление обжитого и необжитого пространства. Первое осмысливается функционально, представляя как сумму используемых в хозяйственной практике угодий; представление о втором включает в себя такие признаки, как 'незаполненное', 'отграниченное, не контактирующее с человеком', 'потенциально таящее опасность', 'лесное', 'неодомашненное', 'свободное, открывающее возможности для освоения' (эти представления репрезентируются топонимами, образованными от апеллятивов *пустой*, *глухой*, *слепой*, *дикий*, *вольный*). Необжитое пространство является эталонным пространством, поскольку характеризуется способностью разворачиваться вовне и отделенностью.

Топонимической системой Русского Севера выработаны особые спо-

собы указания на специфику локуса, возникшую вследствие ценностной «разметки» пространства: речь идет о зонах, которые воспринимаются как «святые», «страшные» и т.п. Выделение таких зон происходит параллельно хозяйственному освоению пространства.

На качественную неоднородность пространства указывает неравновесность, асимметричность равноправных с логической точки зрения ориентационных параметров: преобладание *задних* топонимов над *передними* свидетельствует о специфике заселения территории; перевес *верхних* названий (в «высотном», а не «речном» значении) над *нижними* отражает типичное положение тела в пространстве; лидирование *дальних* топонимов в паре *дальний* — *ближний* связано с их большими дистинктивными возможностями и т.п.

Литература

- Березович 2000 — Е.Л. Березович. *Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте*, Екатеринбург, 2000.
- Ивашко 1981 — Л.А. Ивашко. *Очерки русской диалектной фразеологии*, Л., 1981.
- Даль — В.И. Даль. *Толковый словарь живого великорусского языка*. 2-ое изд. СПб.; М., 1880–1882 (1989). Т. I–IV.
- ЛК ТЭ — Лексическая картотека топонимической экспедиции Уральского государственного университета им. А.М. Горького (кафедра русского языка и общего языкознания).
- Мищенко 2000 — О.В. Мищенко. *Лексика лесных локусов в говорах Русского Севера*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Екатеринбург, 2000.
- НОС — *Новгородский областной словарь*, Новгород, 1992–1995, вып. 1–12.
- СПГ — *Словарь пермских говоров*, Пермь, 1999–, вып. 1–.
- СРГК — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*, СПб., 1994–, вып. 1–.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*, Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, Л., 1966–, вып. 1–.
- СРЯ — *Словарь русского языка*, М., 1981–1984, т. II–IV.
- ФСРЛЯ — *Фразеологический словарь русского литературного языка*, Сост. А.И. Федоров, Новосибирск, 1995, т. 1–2.
- ФСРГС — *Фразеологический словарь русских говоров Сибири*, Новосибирск, 1983.
- Яковлева 1994 — Е.С. Яковлева. *Фрагменты русской языковой картины мира: (модели пространства, времени и восприятия)*, М., 1994.

THE IMAGE OF SPACE IN LANGUAGE: METHODOLOGY OF DESCRIPTION AND RESULTS OF RESEARCH

The article proposes a scheme of description and analysis of the lexis of space. The starting point is the assumption that ethno-linguistic research should be directed towards a description of a subject-related image of space, i.e. a subjective factor in the reception

of space. As language facts are being analyzed, the linguist deals with units of the initial (surface) level: the level of the direct linguistic manifestation of spatial images, from which it is possible to pass on to the level of base elements shaping the model of space. This requires a generalization of the basic semantic characteristics of the units of the initial level. The necessary condition for analysis at this stage is the representativeness of the material collected for analysis. The level can be considered as extra-linguistic, but the transfer to it leads through an intermediate level, the most interesting one for anthropological linguistics, connecting linguistic and extra-linguistic factors and describing realization of the network of parameters.

The analysis is based on folk-dialectal lexis and onomastics of the Russian North as well as presenting the results of the analysis of the semantic field of 'space' in Russian folk toponymy.